

Телефонный звонок разбудил меня в три часа ночи. Я с трудом подняла голову, включила настольную лампу, взглянула на часы и чертыхнулась. Затем перевернулась на спину и с тяжким вздохом закрыла глаза, надеясь, что кому-то надоест названивать и он отправится к чертям собачьим. Тщетно. Звонивший твердо вознамерился поднять меня среди ночи. Я села в постели, потрясла головой, силясь прийти в себя, и с большой неохотой сняла трубку.

— Привет, — услышала и едва не застонала от отчаяния, потому что, конечно, узнала голос, а заодно поняла: произошло нечто неприятное, и это еще мягко сказано. Звонил Волков, а у него приятных новостей для меня не бывает.

— Привет, — ответила я и опять тряхнула головой, пытаюсь привести мысли в порядок. Этому сильно препятствовала головная боль, обычная вещь, если накануне выпить лишнего. Домой я отправилась после двенадцати, выходит, спала часа два, не больше, и теперь вряд ли смогу досмотреть свой сон. Впрочем, он того и не заслуживал.

— Тебе стоит приехать, — без энтузиазма продолжил Волков.

— Что у тебя?

— Пока ничего, но геморрой я уже предчувствую.

— А поконкретней?

— Пожалуйста. Убийство. Девка двадцати двух лет.

Шлюха из дорогих. Адрес: Вторая Советская, дом 36, квартира 215.

— Но ведь не из-за этого ты поднял меня в три ночи? — возмутилась я.

— Конечно, нет. Твой покой — для меня святое. И если я говорю о геморрое, значит, он не замедлит появиться.

— Вот черт, — пробормотала я. — Сейчас приеду. — Повесила трубку и, слегка постанывая, прошла в ванную.

Для начала я сунула голову под холодную воду, потом включила душ и, жалобно повизгивая, немного постояла под ледяными струями. Растерлась полотенцем, прошла в кухню, достала из холодильника сок и залпом выпила пол-литра, не ощущая вкуса. Не скажу, что пришла в норму, но жить стало легче. Рука потянулась к пачке сигарет, однако я вовремя одумалась и отшвырнула пачку подальше, не то все мои труды пойдут на смарку. Окинула кухню критическим взглядом и поморщилась: придется нанимать домработницу, пока квартира окончательно не заросла грязью.

С этой мыслью я вернулась в гостиную, где спала, так и не добравшись до спальни, взглянула на свой костюм и лишь покачала головой, потому что не удосужилась повесить его в шкаф — он валялся на полу в весьма плачевном виде.

— Пить надо меньше, — наставительно изрекла я, надеясь, что прислушаюсь к мудрому совету, перевела взгляд на часы и заторопилась: натянула джинсы, свитер, нашла в шкафу кроссовки, которые не мешало бы вымыть, прежде чем убирать в шкаф, и, прихватив куртку, спустилась в гараж. Здесь меня ждал сюрприз: вмятина на правом крыле. В общем-то, «Мицубиси» и до того момента выглядел паршиво, так как хозяйка ему досталась хуже некуда. Но вчера этой вмятины я не заметила и сейчас, хмуро ее разглядывая, пыталась по-

нять, откуда она взялась, то есть где и как я умудрилась ее заработать.

— Чудеса, — буркнула я.

Ночью, когда я покинула бар, вмятины вроде бы не было. Или была? Отправляясь домой, я подошла к машине со стороны водителя и это крыло не видела. Выходит, какой-то сукин сын помял мне машину, пока я прохлаждалась в кабаке. Ну и поделом мне, надо оставлять машину на стоянке, а не бросать в темном переулке.

Я выехала из гаража, закрыла ворота и по привычке огляделась. Дом насчитывал восемь квартир, лишь в одном окне горел свет. В первой квартире жил отставной генерал, и по ночам ему не спалось. Он возник в окне, напряженно вглядываясь в темноту. Открыв стекло, я помахала ему рукой. Всегда приятно сознавать, что кто-то и среди ночи на боевом посту. Он мне ответил, но от окна не отошел, провожая взглядом мою машину. Наверняка запомнил, в котором часу я отъехала от дома, а вот спроси, зачем ему все это, вряд ли сможет ответить.

Однако через минуту я и думать забыла о соседе. Вторая Советская находилась на другом конце города. Ночью, когда движение практически отсутствует, а стражи порядка дремлют, я преодолела это расстояние за двадцать минут. Правда, свернула не на том светофоре и выехала на Первую Советскую, чертыхнулась и, немного поплутав среди совершенно одинаковых домов, наконец смогла найти нужный адрес.

Дом был двенадцатиэтажный, длинный, серый и явно требовал ремонта, хоть и был построен недавно. Возле четвертого подъезда стояли две милицейские машины и ядовито-желтые «Жигули» последней модели. Виктор Павлович Волков слыл человеком положительным и даже консервативным, но мог иногда удивить неожиданной тягой к яркой цветовой гамме.

Я притормозила рядом с «Жигулями» и увидела са-

мого Волкова. Он стоял возле подъезда в тени козырька и курил. Заметив меня, пошел навстречу. Я выбралась из машины и кивнула. Свет фонаря освещал пространство перед подъездом. Волков взглянул на меня, скривился и не придумал ничего лучшего, как заявить:

— Паршиво выглядишь.

— Спасибо.

— Нет, серьезно. Может, стоит завязать с выпивкой?

— Кому бы говорить, — фыркнула я.

— Когда пьет мужчина, это нормально, а вот когда женщина...

— Отвали, а? Когда я работаю, то о выпивке забываю.

— Надо посоветовать Деду завалить тебя работой.

— Не думай, что моя жизнь вечный праздник.

— В ближайшее время праздник точно не ожидается.

— Ну, так что тут за геморрой? — проявила я интерес.

— Сама увидишь...

— Может, ты наконец скажешь, на кой черт вытащил меня из постели?

— Все самое интересное на потом, — хмыкнул Волков. — Для начала взгляни, что там.

— А надо? — усомнилась я.

— Надо, — серьезно кивнул он.

Мы вошли в подъезд и поднялись на второй этаж. На лестничную клетку выходили двери четырех квартир. Одна была приоткрыта, рядом стояли двое мужчин и три женщины среднего возраста с испуганными лицами, должно быть, соседи. При виде нас они посторонились, мы вошли в прихожую, и Волков сказал:

— В комнате...

Я сделала еще несколько шагов. Квартира однокомнатная, правда комната большая, метров двадцать пять. Использовали ее одновременно как гостиную и как спальню. Тяжелые шторы на окнах задернуты, у

противоположной стены низкая тахта, застеленная ковром с парчовыми подушками, антикварная мебель, за китайской ширмой кровать с деревянными спинками: приобретенная в недорогом магазине, она выглядела здесь как нечто инородное. Возле кровати стояли двое мужчин в штатском и что-то лениво обсуждали. Еще двое, на первый взгляд бесцельно, двигались по комнате, молодой человек в очках, насвистывая, снимал отпечатки пальцев с двух бокалов чешского стекла, стоявших на низком столике. На полу у его ног валялась бутылка коньяка. Парень оглянувшись, увидел меня и кивнул:

— Привет.

— Здравствуйте, — громко сказала я. Теперь все присутствующие обратили на меня внимание и недружно ответили:

— Здравствуй.

— Представлять друг другу вас не надо, — сказал Волков. — Дело у нас, скажем прямо... В общем, Ольга Сергеевна будет помогать нам по мере сил.

На лицах мужчин появились ухмылки, от которых они тут же поспешили избавиться и кивнули как ни в чем не бывало, только очкарик продолжал свою работу, радостно улыбаясь мне. Я покопалась в своей памяти и вспомнила, что парня зовут Вячеслав, отчество не помню, да оно и ни к чему. Нас познакомил Волков этой зимой на торжественном вечере, посвященном какой-то очередной годовщине. Я поздравляла собравшихся от имени фонда «Честь и достоинство», который основал Дед (он был просто помешан на всяческих фондах, они росли как грибы после дождя, и во всех этих фондах я кем-нибудь числилась, неизменно выступая на различных торжествах в роли свадебного генерала). Двоих из присутствующих мужчин (не считая Волкова) я знала неплохо, еще одного если и видела раньше, то сейчас припомнить не могла. На меня же они взирали

так, точно знали всю мою подноготную, как оно скорее всего и было.

— Не желаете взглянуть? — кивнул один из них на кровать. Я подошла ближе. Мужчины посторонились, а я на мгновение зажмурилась. Конечно, труп — это труп и ничего приятного увидеть я не ожидала, но этот прямо-таки вызвал у меня шок. Я потеряла переносицу и заставила себя открыть глаза. Мужчины молча ждали. Я кашлянула, словно извиняясь, и перевела взгляд на убитую. Сейчас трудно было определить, сколько ей лет. Выглядела она ужасно: глаза вылезли из орбит, из открытого рта торчали скомканные доллары, вокруг шеи девушки был обмотан чулок, голова ее была приподнята и странно вывернута, конец чулка закреплен на спинке кровати. Скорее всего ей сломали шею. Но этого убийце показалось мало, и он зачем-то разрезал ей живот, и не просто разрезал, а аккуратно разложил содержимое на кровати с двух сторон от трупа. Постель была густо перепачкана кровью, а на стене, прямо над головой убитой, привет от свихнувшегося ублюдка: крупные буквы тоже кровью — «Сука».

— Что скажешь? — спросил Волков, подойдя к кровати.

— Впечатляет. — Я поспешно отвернулась.

— Вот-вот. Соображения есть?

— Он псих.

— Само собой. Еще какие-нибудь ценные замечания?

— Замечаний нет, есть вопрос.

— С вопросом обожди. Значит, ничего стоящего тебе в голову не приходит?

Я оглядела комнату, пытаюсь понять, чего от меня добивается Волков. В комнате царил образцовый порядок, если не считать окровавленной постели, надписи да еще бутылки коньяка на полу.

— Она не сопротивлялась? — вопросительно заметила я.

— Никаких следов борьбы. Одежда на убитой отсутствует, за исключением гипюровых трусиков.

— На честь девушки не посягали?

— На это ответит специалист, но я уверен: он ее не изнасиловал.

— Почему он, а не она? — спросил Славик, подходя ближе.

— Что-то я не слышала о маньяках-женщинах, — заметила я с усмешкой, — а это работа маньяка.

— Не скажи, — покачал головой Волков. — Надпись видишь?

— Ревность?

— Почему бы и нет?

— Тогда пошарь среди ее дружков. Кому-то не нравилось, как девушка проводит время, и он внес в это свои коррективы. Как ее зовут?

— Кудрина Алла Дмитриевна. Танцовщица в ночном клубе «Пирамида». Чем они там на самом деле занимаются, тебе лучше знать.

Я нахмурилась, начиная понимать, почему Волков поднял меня среди ночи. «Пирамида», как и многое в этом городе, принадлежала Деду, неофициально, конечно. Однако, хоть Дед и открещивался от доходного бизнеса и делал вид, что не имеет отношения ни к ночным клубам, ни к многочисленным саунам и массажным кабинетам (он дважды даже выступал с разгромными статьями в газетах о древнейшей профессии и сутенерах в погонах, статьи, кстати, писала я, и цифрам, приведенным в них, можно было верить), так вот, несмотря на все старания Деда откреститься от того, что он, то есть я, в статьях назвал «чумой нашего города», те, кому хотелось знать, знали, что он-то как раз и контролирует данную чуму. Зверское убийство, совершенное явным психом, газетчики вниманием, конечно, не обойдут... Одному богу известно, что они смогут накопать в припадке журналистского рвения. И все это за несколько дней до выборов.

Я непроизвольно поморщилась, а Волков кивнул:

— Вот тебе и гемморой...

Я согласно кивнула: что да, то да. Теперь скверное настроение Виктора Павловича стало мне понятно: с одной стороны, на него будут давить, требуя, чтобы психопат-убийца как можно скорее оказался за решеткой (обыватели впадают в транс при слове «маньяк»), с другой — работать придется с оглядкой, чтоб ненароком не накопать лишнего.

— Сочувствую, — сказала я. Он усмехнулся. — Если не возражаешь, я вас покину, — помедлив, заявила я, присутствующие кивнули, а Волков пошел проводить меня. — Можешь рассчитывать на наше содействие, — заверила я, поспешив утешить его.

— Ага, — хмыкнул он, посмотрел на меня внимательно, точно что-то прикидывая, и вздохнул: — Это не все.

— Что, есть еще труп?

— Хуже. Для меня, по крайней мере.

— Что же может быть еще хуже? — в притворном удивлении подняла я брови.

— Вот это. — Он протянул мне визитную карточку. Золотыми буквами на сером фоне значилось: Кондратьев Игорь Николаевич. Следующие три строчки были мне ни к чему, я сама заказывала в типографии визитки для Деда.

Я взглянула на обратную сторону. По правилам хорошего тона она должна быть девственно-чистой, если, конечно, владелец не пожелал оставить кому-то несколько слов. Владелец не пожелал, но до девственной чистоты оказалось далеко: карточка была заляпана кровью.

— Она была у девицы? — хмуро спросила я. Происходящее нравилось мне все меньше и меньше — какой, к черту, гемморой, дело много хуже.

— Карточка валялась под креслом.

— А кровь?

— Кресло стоит в трех шагах от постели, если ты соизволила обратить на это внимание. А там все залито кровью.

Мы вышли из подъезда и замерли под козырьком.

— Кто видел карточку? — задала я вопрос, который меня, по понятным причинам, очень беспокоил.

— Я.

— Хорошо.

— Серьезно? — фыркнул Волков. — Может, объяснишь, что ты нашла хорошего во всем этом?

— Не заводишь, — миролюбиво попросила я. — Мне это нравится так же, как и тебе.

Мы подошли к моей машине, он взглянул на нее и покачал головой:

— Когда ездить научишься?

— Просто мне не везет.

— Завязывай пить, Ольга. Добром это не кончится.

— Заткнулся бы ты, — от души пожелала я, садясь в машину и намереваясь проститься с Волковым, но он открыл дверь и устроился рядом со мной.

Я ждала, что он скажет, ненавязчиво разглядывая его. Волков выглядел так, как и полагалось выглядеть человеку его звания. Лет сорока пяти, выше среднего роста, с наметившимся брюшком и тем особым выражением лица, которое сразу намекало на его профессию. Он начал сесть, виски отливали серебром, стригся он коротко, жесткие волосы торчали на затылке, образуя венчик, темные брови, нос короткий и прямой, глаза небольшие и в общем-то невыразительные. Однако Волков умел смотреть так, что под его взглядом становилось как-то неудобно. Не нравился мне только его рот, узкие губы были слишком малы для этого лица, и улыбаться Волков не умел, вместо улыбки на лице появлялась кривая ухмылка, которая шарма ему не добавляла. Становилось ясно: человек этот далеко не прост и характером обладает скорее всего скверным.

Впрочем, ничего такого я за Волковым не знала,

уживались мы вполне сносно, даже испытывали друг к другу симпатию. Он производил впечатление честного человека и умело этим пользовался. С Дедом их что-то связывало, но и тот и другой об этом помалкивали, причем оба извлекали из давнего знакомства максимум пользы. У Волкова имелся дом за городом, запи-санный на жену, и «БМВ», который он не смог бы купить на свою зарплату. Сын его, едва закончив школу, организовал собственное дело, где заправлял, конечно, Волков, хотя и не имел права, исходя из буквы закона. Однако официально директором фирмы был сын, который к тому же носил фамилию матери, так что перед законом Волков был чист. Само собой, его готовность помочь только на пользу Деду. В общем, налицо обоюд-овыгодный союз, поэтому меня ничуть не удивило беспокойство в голосе Волкова, когда он опять загово-рил.

— Что скажешь?

Я пожала плечами:

— Что тут скажешь? Дед раздает свои визитки по два десятка за день. И то, что она оказалась у этой де-вицы...

— Вот именно, — хмыкнул он. — Не знаю как тебе...

— Надеюсь, ты не думаешь, что это Дед развлекался, распарывая ей живот.

— Совершенно неважно, что думаю я. Но если о ви-зитке каким-то образом узнают...

— Позаботься о том, чтобы не узнали.

— Спасибо за подсказку, сам бы я ни за что не допет-рил. — Он отвернулся, помолчал немного и заговорил вновь: — А если это как-то связано с выборами?

Я не торопилась отвечать, хотя, признаться, не очень-то верила, что кто-то совершил жуткое убийство с единственной целью насолить Деду.

— Давай не будем забегать вперед. Твое дело — следить за тем, чтобы ситуация не вышла из-под кон-троля.

— А если Дед знаком с девкой?

— Ну и что? С ее профессией она могла знать многих. Возможно, визитку ей действительно дал он.

— И она оказалась под креслом, да еще вся в кровище, вместо того чтобы лежать в ее сумке, в ящике стола, коробке или в вазе, наконец, то есть в том месте, где обычно у людей лежат визитки. С ее стороны было довольно оригинальным запихнуть визитку под кресло. Всем известно, что Дед таскает визитки в кармане... Например, он бросил пиджак на спинку кресла...

— А потом зарезал девушку? — усмехнулась я. — Дед, конечно, не ангел, но как-то трудно представить его в роли мясника...

Волков поморщился:

— Я вовсе не это хотел сказать... Что, если он был у нее? Кто-то воспользовался его приходом и убил девочку, а визитку оставил нарочно.

— Если она выпала из кармана Деда, то как это мог предвидеть убийца?

— Не говори глупости. Он мог его выследить и...

— Тогда визитка вовсе не выпала из кармана пиджака, ее подбросили нарочно, а если ее подбросили нарочно, то вовсе не факт, что Дед знаком с убитой.

Волков дернул тонкими губами и со злостью посмотрел на меня.

— Я разговаривал с соседями, они несколько раз видели мужчину среднего роста, лет пятидесяти, блондина, с загорелым лицом, всегда в темных очках, голову он держал опущенной вниз, точно опасался, что его узнают.

— Портреты Деда расклеены по всему городу. Да и вообще, человек он известный. Я-то была уверена, что его каждая собака знает...

— Боюсь, так оно и есть. Граждане его узнали, но помалкивают об этом из опасений оказаться в скверном положении.

— Не преувеличивай.

— Я тебя знакомлю с точкой зрения обывателей. Допустим, они его не узнали, то есть это они нам так заявили, но завтра по городу поползут слухи... А я должен найти убийцу.

— Хочешь задать Деду несколько вопросов?

— Нет уж, спасибо. Сама задавай.

— Подумаю над этим, — кивнула я.

— Эта чертова политика... — пробубнил Волков, кивнул мне и вышел из машины.

Я тронулась с места, продолжая размышлять над его словами. Если честно, я здорово нервничала. Конечно, я не могла вообразить Деда в роли маньяка. Человек он решительный, и с моралью у него большие проблемы, но кромсать кого-то ножом... чепуха...

— Чепуха, — вслух повторила я и усмехнулась, а потом и хихикнула, злясь на себя за это.

«Почему бы и нет? — продолжал веселиться кто-то внутри меня. — Он сукин сын, вообразивший себя всемогущим. А вдруг он свихнулся?»

— Это ты свихнулась, — возвысила я голос. — С какой стати ему убивать эту женщину да еще запихивать ей в рот доллары и писать на стене кровью «Сука».

«А почему бы и нет? — вновь подумала я. — Нет, в самом деле. Допустим, он увлекся девчонкой, а она ему изменяла, предположим, он застал ее с любовником...» Никаких следов борьбы, если не считать опрокинутой бутылки коньяка. Такое впечатление, что девица сама разделась и легла в постель, ожидая, что ее осчастливят. Вместо этого ей кто-то накинул чулок на шею, а потом вспорол живот.

Предположим, он не заставал ее с любовником, а просто узнал о его существовании. Девчонка не подозревала об опасности, и он этим воспользовался. Тебе ли не знать, как он мстителен. Правда, обычно он мстит чужими руками... А если соблазн был чересчур велик? Хватит гадать, сейчас речь не об этом. Визитка, вот твоя головная боль, и показания соседей. Слухи —

это несущественно, главное, чтобы не нашелся придурок, который опознает в госте убитой Деда. Если бы не выборы... Вдруг Волков прав и кто-то решил подложить Деду свинью, используя его связь с девчонкой?

— Вот это плохо, очень плохо, — произнесла я и закончила: — Потому что на этом он или они не успокоятся.

Я свернула к дому. Теперь даже генеральское окно не светило. Я въехала в гараж и еще какое-то время сидела в машине, бессмысленно пялясь в лобовое стекло. Потом с неохотой покинула гараж, поднялась на три ступеньки и вошла в коридор. Квартира у меня в трех уровнях: гараж и просторный холл внизу, на втором этаже кухня, гостиная и столовая, на третьем две спальни. Я даже не могла припомнить, когда поднималась на третий этаж в последний раз. Гостиную я использовала как спальню, кухню как гостиную, столовая вовсе была мне без надобности, как, впрочем, и вся эта квартира. Но Дед рассудил иначе, а я с ним не спорила, точно зная, как это бесперспективно. Квартира досталась ему за гроши, и он не придумал ничего лучше, как подарить ее мне. Само собой, я изобразила восторг по этому поводу, потому что подарок свидетельствовал о том, что Дед любит меня по-прежнему и все у нас с ним ладненько да складненько.

Я прошла на кухню, включая везде по дороге свет, потому что не терпела темноты. В темноте меня посещали призраки. Обычное дело для людей с нечистой совестью, как утверждает Марк, а Марк в таких вещах мыслит. Во всяком случае, я ему доверяла в этом вопросе, потому что сам он всегда спит со светом.

Я включила чайник и немного постояла у окна, опершись на подоконник. Небо серело, но кухонное окно выходило в сквер, и там, в тени деревьев, было еще темно. Я заварила кофе, подумала и достала из холодильника бутылку мартини. Мартини я пью, как пьют водку. Налила полстакана, выпила и закусила

куском хлеба. Посидела немного с закрытыми глазами, прикидывая, стоит ли ложиться. Покидать кухню было лень, я расслабленно устроилась в кресле и вроде бы задремала, потом резко подняла голову, взглянула на часы. Пожалуй, придется отправиться в постель. И тут зазвонил телефон. Я стояла и смотрела на аппарат, прикидывая, чего мне следует ждать от жизни. В эту ночь я нарасхват. Не торопясь, я сняла трубку.

— Да.

— Привет, — услышала я хриплый голос, не мужской и не женский. — Как себя чувствуешь? Должно быть, на душе паршиво?

— С какой стати?

— Ведь ты знаешь: это он вспорол брюхо девчонке.

— Какое брюхо? — хмыкнула я, взглянув на определитель номера. Звонок был из автомата. Я схватила сотовый и торопливо набрала нужный номер, боясь, что хриплый прекратит разговор и я ничего не успею.

— Дуру из себя не строй, — весело заявили на том конце провода. — Ты ведь уже видела ее? И знаешь: девку пришил твой любовник.

— Но... — начала я, однако в аппарате раздалась короткая гудки. Звонивший бросил трубку. Зато ответил Сережа.

— Чего у тебя? — спросил он хмуро и зевнул.

— Телефонный звонок. Из автомата.

— Чего хотели?

— Весьма информированный гражданин, знает даже то, что ему знать не положено.

— Понял, — ответил Сергей совершенно другим голосом. — Подключу твой номер. Еще что-нибудь?

— Пока ничего в голову не приходит, — вздохнула я и простилась с ним. Швырнула сотовый в кресло и задумалась. Номер моего домашнего телефона есть в справочнике, так что узнать его не проблема, а вот откуда звонивший узнал об убийстве? Оперативно, ничего не скажешь... — Так, — громко сказала я, по привыч-

ке начиная размышлять вслух. — Очень может быть, что Волков прав и кто-то решил подложить Деду перед выборами свинью. А если... что, если? Валяй, договаривай, вот сейчас ты подумала, что Дед в самом деле убил ее? Стоп, он не назвал его имени или прозвища, он сказал: «твой любовник». Значит, звонивший осведомлен о наших отношениях... Необязательно. Дед никогда не скрывал, что неравнодушен к женщинам, так что логика вполне прослеживается: я на него работаю, значит, я с ним сплю. А если он имел в виду кого-то другого? Кого еще можно назвать моим любовником? Вот черт, ни одной кандидатуры. Впрочем, неизвестно, что обо мне болтают за спиной.

Допустим, он имел в виду Деда... Откуда звонивший узнал об убийстве? Точнее, от кого? Я сняла трубку и набрала номер сотового Волкова.

— Слушаю, — без энтузиазма откликнулся он. Я сообщила о звонке, сподвигнув его на длительное размышление. — Мы все еще на квартире, — сказал он наконец, — при мне никто никуда не отлучался... Хотя могли позвонить еще до моего приезда. Вот что, давай встретимся ближе к обеду и все обсудим. К тому времени у меня будут результаты вскрытия.

— Хорошо, — согласилась я, — жду твоего звонка.

Я прошлась немного по гостиной, затем не раздеваясь легла в постель и постаралась вздремнуть. Звонок неизвестного (хотя, может, неизвестной?) произвел на меня впечатление, что в общем-то странно. Периодически появлялись психи, которые звонили среди ночи с угрозами, а за несколько дней до выборов этому и во все не приходилось удивляться. То, что на Деда выльют ушат грязи, не вопрос, мы и сами подготовили две солидные бочки для наших конкурентов. Тогда с какой стати я так нервничаю?

— А нервничаешь ты, уважаемая, по той простой причине, что труп имеет место быть и он вовсе не бред

очередного психопата. И ты в самом деле боишься, что Дед имеет к этому отношение, — скороговоркой выпалила я и даже зажмурилась.

Часов до десяти я провалилась в постели, изводя себя разными мыслями. Толку от этого не было, зато беспокойства прибавилось. Я вышла на кухню выпить кофе, когда вновь зазвонил телефон. Голос Риты, секретаря Деда, я узнала сразу.

— Детка, — торопливо сказала она, поздоровавшись, — он хочет тебя видеть. Сможешь подъехать через полчаса?

— Конечно.

— Поторопись. Дед злой как черт, — перешла она на шепот. — Лучше не опаздывай.

— Постараюсь, — заверила я ее и пошла переодеваться.

Дед терпеть не мог баб в джинсах, о чем и заявлял неоднократно. В офисе дамы не рисковали появляться в брюках. Правда, в жару все дружно облачались в шорты, против них хозяин не возражал. Однако сейчас жары не наблюдалось, поэтому я выбрала темно-синий костюм и белую блузку, тщательно уложила волосы, поморщилась, потому что увиденное в зеркале не очень радовало, и направилась к машине.

Через десять минут я покинула гараж, махнула рукой отставному генералу, который как раз появился на балконе, и выехала на проспект, то и дело поглядывая на часы. Дважды не обратив внимания на красный сигнал светофора, я смогла подъехать к офису вовремя. Охрана внизу выглядела чрезвычайно деятельной, народ сновал из кабинета в кабинет, на лицах читалась решимость совершить трудовой подвиг, словом, работа шла полным ходом, а я поздравила себя с тем, что благодаря расположению хозяина избавлена от необходимости торчать здесь с утра до вечера. Впрочем, может,

это Дед избавил себя от необходимости лицезреть мою физиономию каждый день. Поди разберись.

Я поднялась на второй этаж, кивая в ответ на приветствия, и вошла в приемную. Рита подняла голову от бумаг и приложила палец к губам, призывая к молчанию. Из кабинета Деда доносился мощный рык, который не могли заглушить даже двойные двери. Ритка беззастенчиво подслушивала, совершенно меня не стесняясь. Я плюхнулась в кресло и шепотом спросила:

— Кто у него?

— Черник, — тоже шепотом ответила Рита, продолжая подслушивать. Минут через десять рык стих, а еще через пять минут распахнулась дверь кабинета и показался Черник Артур Петрович, пухлый молодой человек лет тридцати, в светлом костюме, очках в золотой оправе. Его темные волосы прилипли к потному лбу, лицо было багровым, губы подергивались, казалось, он вот-вот разрыдается.

Черник торопливо прикрыл дверь, достал из кармана платок, вытер лицо, покачал головой и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Сумасшедший дом...

— По какому случаю лютует? — проявила я любопытство.

— Вас зачем вызвали? — игнорируя мой вопрос, спросил Черник.

— Без понятия.

— Что-то не так, — кусая губы, пробормотал он. — Я думал, может, вы знаете?

— Не больше вашего.

Я поднялась с намерением идти к Деду, но Черник остановил меня:

— Там Нефедов.

Нефедов был ближайшим другом Деда. Их разговор мог затянуться надолго.

— Может, я выпью кофе в баре? — спросила я Риту.

— Лучше здесь жди, — зашептала она. — Кофе я тебе заварю.

Черник между тем схватил графин, налил воды в стакан, выпил и, должно быть, почувствовав облегчение, посмотрел на меня и опять спросил:

— Вы правда не в курсе?

— Может, буду в курсе после встречи с ним.

— Понятно. — Он привычно пожевал губами. — Точно черт в него вселился. Вчера все было отлично, а сегодня прицепился к смете, хотя утверждали ее две недели назад. А я опять виноват... уходить надо, искать другое место... нет возможности работать.

Мы с Ритой переглянулись. Она презрительно хмыкнула, тем самым выражая свое отношение к его словам. Черник работал на Деда лет пять и трижды в неделю собирался уходить, однако в серьезность его намерений никто не верил. Таких денег, как здесь, ему нигде не заработать, да и сама возможность ухода лично у меня вызвала сомнения, так как Черник ведал финансами Деда и прекрасно понимал... В общем, понять было нетрудно.

Глядя на его потную физиономию с затравленным взглядом, я вдруг подумала, что он, возможно, и в самом деле мечтает уйти, хлопнуть дверью, желая потешить свое самолюбие. Если честно, Дед относился к нему по-свински, потому что не уважал бесхарактерных людей, а Черник твердостью характера похвастаться не мог, хотя, по общему мнению, специалистом был от бога. С утра до ночи он сидел в офисе, готовый по первому же требованию предстать перед хозяином, и регулярно получал нагоняй. В тридцать лет у него не было ни семьи, ни друзей. Выпив лишнего, он часто жаловался, что понятия не имеет, куда потратить деньги, которых с каждым годом у него становилось все больше и больше. Впрочем, у меня тоже ни семьи, ни друзей, и деньги тратить я тоже не умею... Так что мы с Черником, можно сказать, родственные души.

— Что-то у нас не так, — с легким всхлипом заявил он, уставившись на меня. Я в ответ пожала плечами. Он поставил стакан, суетливо огляделся и сказал: — Ну, я пошел. — После чего покинул приемную.

— Ему и правда здорово досталось, — заметила Рита.

— С утра было много звонков? — поинтересовалась я.

— Как всегда, — пожала она плечами.

— А с какой стати он решил вызвать меня, не сказал?

— Конечно, нет. С кем-то разговаривал по сотовому, с кем, мне неизвестно, на то и сотовый.

— Откуда знаешь, что разговаривал?

— Я как раз кофе подавала, тут звонок.

— Звонившего по имени не назвал?

— Нет. Я бы запомнила. Через пять минут велел позвонить тебе.

— Понятно, — кивнула я, думая о том, что это наверняка как-то связано с ночным происшествием.

Дверь кабинета распахнулась, и появился Нефедов, представительный мужик лет шестидесяти, давний друг Деда, тоже из бывших военных. Политикой он не интересовался и страсть Деда к этому виду деятельности, по слухам, не приветствовал, но активно помогал и потому числился в первых помощниках. Меня он тоже не жаловал, кивнул в ответ на мое приветствие, не раскрывая рта, и вышел из приемной, даже не взглянув на Риту. Судя по выражению его лица, жизнью он вполне доволен. Рита нажала кнопку и сказала:

— Игорь Николаевич, Оля в приемной. Заходи, — кивнула она на дверь кабинета, затем приподнялась и торопливо перекрестила меня.

Я вошла в кабинет, Дед стоял у окна, сунув руки в карманы брюк и раскачиваясь с пятки на носок. Услышав, как закрылась дверь, повернулся, подошел ко мне и обнял за плечи, заглядывая мне в глаза. Я растянула

губы в улыбке, демонстрируя большую радость от свидания с ним.

— Как дела? — вместо приветствия спросил он.

— Нормально, — ответила я, хотя поначалу хотела сказать «отлично», но в последний момент решила не перебарщивать.

— Садись, — кивнул он на кресло, и я покорно села. Он остался стоять у окна, опершись руками на подоконник и продолжая разглядывать меня. Он молчал, и я молчала, делая вид, что меня очень занимает рисунок ковра под ногами, при этом я думала о том, что Дед здорово сдал. Сколько я его помнила (а это лет двадцать, не меньше), он выглядел человеком без возраста. Всегда подтянутый, бодрый, даже седая шевелюра впечатления отнюдь не портила, а в глазах женщин только прибавляла ему шарма. Открытое лицо с яркими голубыми глазами неизменно вызывало симпатию. Однако теперь Дед казался усталым: мешки под глазами, резкие складки от крыльев носа к подбородку и взгляд... взгляд был колючим, если, конечно, поблизости не находился фотограф и Дед не начинал позировать. Ему скоро шестьдесят. Через год или через два, сразу и необразишь. Через два. В его возрасте пора и о душе подумать... Я представила его в роли пенсионера и мысленно фыркнула. Нет, он из тех, кто умрет на боевом посту. Или лишившись оного. Потому-то эти выборы так много для него значат. Следовательно, и для меня тоже, раз мы в одной лодке (я опять фыркнула, потому что знала, что лукавлю, по большому счету мне все равно).

Между тем Дед отлепился от подоконника и устроился в кресле напротив, а я вдруг подумала: «Кто стирает ему рубашки?» Официально он вдовец, сын давно живет отдельно, служит на Тихоокеанском флоте, уже в больших чинах, Дед вспоминал об этом к месту и не к месту, хотя сын вовсе не был его, он был сыном его покойной жены от первого брака и несколько лет они ла-

дили друг с другом как кошка с собакой, до тех пор пока Дед не заработал свои первые сто тысяч долларов. После этого в их отношениях наметился прогресс (Дед никогда не жадничал), а вслед за этим вспыхнули родственные чувства.

В настоящий момент с ним жила девица лет двадцати, о невероятной глупости которой слагали легенды. Но как-то я не верила, что она заботится о его рубашках. Я б еще немного поразмышляла на эту тему, но Деду надоело играть в молчанку, и он изрек:

— Говорят, ты много пьешь.

«Ну вот, пожалуйста».

— Кажется, мое пьянство — любимая тема разговоров, — сурово отрезала я. Он смущенно отвел глаза.

— Ты же понимаешь, что я... что меня беспокоит... я хочу сказать... — Когда он вот так начинает мямлить, я готова разрыдаться от жалости к нему.

Я закатила глаза, демонстрируя таким образом, как осточертела мне эта тема, а Дед ухватил меня за руку и больно сжал пальцы.

— Что с тобой происходит?

Вот только разговоров по душам мне и не хватало. Однако, зная его характер, я поняла, что от него так просто не отделаешься, потому я нахмурилась и с обидой в голосе заявила:

— Между прочим, пью я немного. Только вечером (небольшое отклонение от истины), только после работы (тоже не совсем верно), так что...

— Да плевать мне на работу, — не сдержался он. — Я хочу знать... — Тут он понял, что взял неверный тон, хлопнул ресницами, точно обиженный ребенок, и закончил весьма трогательно: — Поговори со мной.

— На тему моего предполагаемого пьянства? Не знаю, что тебе доносят, но до алкоголизма мне далеко.

— Ты в самом деле каждый вечер торчишь в баре?

— Ну и что в этом особенного? Должна же я как-то

проводить свой досуг? Мне что, крестиком вышивать или вязать тебе шарфы?

— Раньше ты находила себе занятие.

— Раньше у меня была богатая фантазия. Теперь поистощилась.

Он смотрел на меня, пытаюсь облечь свои чувства в слова, ему это редко удавалось, не удалось и сейчас, он горестно вздохнул и сказал виновато:

— Мне больно слышать, когда окружающие...

— Еще одно слово о моем пьянстве, и я пошлю тебя к черту. — Он опять хлопнул ресницами, точно малое дитя, а я, покачав головой, сказала: — Ей-богу, я пью в меру, точнее, иногда позволяю себе выпить. А в баре сижу, потому что в моей чертовой квартире слишком много места... Я подумываю завести собаку. Пока не решила, какой породы. Может, таксу, как считаешь? Таксы симпатичные.

— По-моему, они уродливые.

— Нет, ты не прав. Ужасно симпатичные, нелепые немного, но...

— Детка... — Не помню, чтобы он называл меня иначе, с его легкой руки (или языка?) меня теперь зовут так все кому не лень, иногда мне кажется, что имя, данное мне при рождении, и не мое вовсе. Правда, Дед произносит это слово по-особенному, у него это получается очень сексуально, может, он по привычке зовет так всех своих баб, чтоб не путаться? В этом что-то есть. — Детка, — повторил он, погладил мое колено и вдруг выпалил: — Я чувствую себя виноватым.

— С какой стати? — удивилась я.

— Наверное, я должен был... я уделяю тебе мало внимания. Я понятия не имею, о чем ты думаешь, что тебя тревожит... И меня всерьез пугают все эти разговоры.

— Я решила, что мы уже разобрались с моим пьянством. Начинаю думать, что кому-то просто очень хочется выставить меня алкоголичкой. Со мной полный

порядок, а выгляжу паршиво, потому что ночь была не из приятных.

— Что случилось? — нахмурился он. Во взгляде читалось беспокойство не за себя, а за меня.

— Кое-что. Но это терпит.

— Как знаешь... Может, нам стоит отдохнуть вдвоем, как в добрые старые времена, а? Ты и я. И никаких дел...

Идея не показалась мне заманчивой, правда, в ее осуществление я не очень-то верила, раз до выборов всего ничего, оттого напрягаться не стала и молча кивнула. Он, конечно, о выборах тоже вспомнил и недовольно поморщился, поняв, что погорячился.

— Конечно, сейчас... ты понимаешь, но когда все кончится... — Я опять кивнула, на этот раз с облегчением. Когда все кончится, непременно опять что-нибудь начнется, так что можно не волноваться. Он хлопал меня по колену и сказал: — Я люблю тебя... — Поднялся и пошел к столу. Выходило, что аудиенция закончена. Я поднялась, прикидывая, стоит ли завести разговор об убитой девушке, и решила, что не стоит.

— У тебя все? — с сомнением спросила я.

— Извини, дел полно...

— Ты вызвал меня, чтоб узнать о моем самочувствии?

— Между прочим, мы не виделись неделю. Если быть точным — восемь дней. И все эти разговоры...

— Мог бы позвонить по телефону.

— Я хотел тебя видеть.

— Ну-ну. Тогда я пошла.

Я направилась к двери, поймав себя на мысли, что вздыхаю с облегчением. Я была уверена, что мой вызов связан с ночным происшествием, но, если я ошибалась, выходит, он о нем ничего не знает или считает, что оно не имеет к нам отношения. Иными словами, он не знает убитую и у нее никогда не был.

— Чем же все-таки порадовала тебя эта ночь? — спросил он, когда я уже взялась за ручку двери. Та-а-ак...

— Волков звонил, — разворачиваясь, сообщила я. — Убили девушку из «Пирамиды», у нее на квартире. Волков нашел под креслом твою визитку. — Судя по всему, новость не произвела на него впечатления, если только она была для него новостью.

— Ограбление? — спросил он.

— Не похоже.

— Не вижу повода для беспокойства, — подумав, изрек он. — А ты?

— Я — нет. Волков слегка обеспокоен.

— Чем же?

— Показаниями соседей. Девчонку посещал дядя, чье описание вполне подошло бы к тебе.

— А как ее зовут?

— Кудрина Алла Дмитриевна. — Я сообщила адрес, ожидая реакции, он поджал губы, потом покачал головой:

— Нет, никогда не слышал это имя.

Если честно, облегчения я не почувствовала. Дед мог врать очень убедительно.

— И у нее нашли мою визитку?

— Точно. Заляпанную кровью.

— Это не очень хорошо, — заметил он. Я пожалала плечами, предоставляя судить ему. — Что скажешь? — спросил он, добавляя во взгляд пронизательности.

— Пока ничего. Если ты ее не знаешь...

— Я ее не знаю.

— Отлично. Тогда я пойду. — Я вновь взялась за ручку двери, в самом деле намереваясь уйти.

— Ты ведь не собиралась докладывать мне об этом, значит, не считаешь, что это может иметь какие-то последствия.

— Я никогда не тороплюсь с выводами.

— Дело ведет Волков?

— Волков.

— И визитку видел только он?

— У меня нет повода ему не верить.

— Хорошо. — Дед открыл ящик стола, достал конверт, заглянул в него и бросил на стол. — Передай ему, объясни, что мы заинтересованы в том, чтобы убийца был найден как можно скорее. Разумеется, он может рассчитывать на нашу помощь.

Я сунула конверт в сумку и направилась к двери, гадая, отчего у меня так паршиво на душе.

— Ты с ним увидишься сегодня?

— Да. Ближе к обеду.

— Держи меня в курсе.

— Конечно.

Я на всякий случай притормозила, может, он изволит еще что-нибудь сказать на прощание, но Дед уткнулся в бумаги, и я вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

В приемной сидел какой-то тип, нервно поправляющий галстук. Я приблизилась к Ритиному столу, и она шепотом спросила:

— Ну как?

— Ничего особо любопытного.

— А вызывал зачем?

— Мозги промывал. Кто-то настучал, что я много пью.

— Наверняка Лялин. Этот знает, сколько трусов и лифчиков в моем шкафу.

— Чертов извращенец.

— Точно. Когда-нибудь я наберусь смелости и кое-кому здесь выскажу... — Кажется, она говорила вполне искренне, поэтому я попросила:

— Лучше не надо.

— Конечно. Но иногда очень трудно держать себя в руках.

— Нам за это хорошо платят.

— Это точно. Забудь, что я тут наболтала.

— Уже забыла.

Я покинула приемную, сделала несколько шагов по коридору и увидела Черника. Он вывернул из-за угла и вроде бы спешил по своим делам, но у меня сложилось впечатление, что толстяк-бухгалтер поджидал меня. Он как будто намеревался пройти мимо, но вдруг встал как вкопанный, сделал шаг, точно передумав, кашлянул и вновь замер.

— Как дела? — спросил он невпопад, потому что мои дела должны интересовать его так же мало, как его дела меня.

— Отлично.

— Ага... Я вот что подумал: почему бы нам не выпить кофе? То есть вы ведь собирались в бар, разве нет?

В другое время я бы отказалась, сославшись на дела, но сейчас мне стало интересно, с какой стати его так ломает, поэтому я молча кивнула, и мы направились в бар, который был на втором этаже.

Алкоголя здесь не подавали, и небольшую комнату в китайском стиле следовало считать буфетом, но отделана она была с таким шиком, что язык не поворачивался назвать ее так. Мы устроились возле стойки, Черник заказал две чашки кофе, посмотрел на меня и вдруг загрустил, после чего принялся с интересом разглядывать лаковую миниатюру. Он явно собирался о чем-то поговорить, но сил хватило лишь на то, чтобы предложить мне кофе. Теперь он сидел и страдал, очень сожалел, что затащил меня сюда. Господи, как мне надоели эти чокнутые, гадай теперь, что у него на уме.

Я молча выпила кофе, Черник тоже не проронил ни слова, лишь вытирал лоб носовым платком и сопел.

— Какие-то неприятности? — наконец решился он.

— У кого? — подняла я брови.

— Мне ведь действительно важно знать, — с обидой заговорил он. — Почему ко мне все так относятся? Ведь я в команде и ничуть не меньше, чем кто-то другой, заинтересован... почему от меня всегда все скрывают?

— Дед вызвал меня, потому что какая-то сволочь наступала, что я пью как лошадь. Я попробовала его переубедить, но не преуспела.

— Вы это серьезно? — обрадовался он.

— Что серьезно? — переспросила я с притворным удивлением.

— Он действительно вызывал вас по этому поводу?

— Да.

Черник мне вроде бы не поверил.

— В самом деле никаких проблем?

— Проблемы, может, и есть, но меня они не касаются. Почему вы вообще заговорили об этом?

— Он злой как черт. Я же говорил, он точно сбесился... Причем до десяти разговаривал со мной вполне по-человечески, а потом... и вызвал вас. Все знают, что вы... ну... когда что-то случается... — Он покраснел от досады, а я согласно кивнула, желая ему помочь. — У вас же юридическое образование, — добавил он, не придумав ничего умнее.

Это точно, образование у меня есть. В штате Деда я числилась помощником по связи с общественностью, кажется, это так формулировалось. На самом деле я осуществляла связь с милицией и сопутствующими службами, улаживая конфликты, которые время от времени у нас возникали. Иногда проводила собственное расследование, если так было угодно Деду. Не могу сказать, чтобы меня заваливали работой, но накануне выборов обязательно что-нибудь случалось. В настоящий момент я взирала на Черника и пыталась отгадать, что кроется за его беспокойством.

— Значит, у нас все нормально, — пробормотал он, по-прежнему не веря мне, и попытался посмотреть проницательно, для чего сощурил глазки, которые за стеклами очков казались до смешного маленькими, и выпятил вперед подбородок. Наверняка накануне долго тренировался перед зеркалом с какой-нибудь брошюрой в руках из серии «Как придать себе значитель-

ность». Я их сама на досуге почитываю, без особого, впрочем, толка, и Чернику они, судя по всему, пользы не принесли.

— «Все» слишком сильно сказано, — наблюдая за ним, уточнила я. — Но пока ничего особенного.

— Ага, — кивнул он, это «ага» совершенно не шло человеку его внешности, но сейчас ему было наплевать на это. Он взглянул на часы, поерзал на стуле, словно не мог решиться на что-то отчаянное, затем приподнялся и сказал: — Ну, я пошел... работы по горло. — Но тут же опустил свой зад на прежнее место и жалобно посмотрел на меня. — Я хотел... Слушайте, почему бы нам с вами как-нибудь не поужинать вдвоем?

Если б он вдруг начал глотать ножи и вилки, это произвело бы на меня меньшее впечатление. Однако я не свалилась с высокого табурета и глаза таращить тоже не стала, растянула губы в улыбке и порадовала его:

— С удовольствием.

— Ага, — не очень-то вдохновился он. — Может, на следующей неделе?

— Или после выборов, — подсказала я.

— Да-да, работы сейчас невпроворот.

— В чем дело? — убрав улыбку с лица, совсем другим тоном задала я вопрос. — Чего ты ерзаешь, как уж на сковородке?

— Ничего, — испугался он и даже побледнел, пот выступил на лбу крупными каплями, он забыл про свой платок и теперь сидел, жалко хлопая глазами.

— Тебе кто-то звонил? — вспомнив типа с хриплым голосом, спросила я.

— Мне? Кто? Нет. С чего вы взяли?

— Возможно, кто-то, не пожелавший представиться.

— Мне никто не звонил, — взвизгнул он, испуганно огляделся и стал сползать с табурета. Я легонько ухватила его за плечо.

— Артурчик, если говорят «а», стоит сказать «б» или

вовсе рта не раскрывать, в противном случае это выглядит очень подозрительно.

— Я... да вы что... я просто хотел...

— Иди, у тебя работы выше крыши. Мой телефон ты знаешь.

— Да, конечно, конечно.

Теперь он выглядел притихшим или сильно озадаченным и по-прежнему испуганным. Кивнул мне и поспешно удалился из бара, при этом его слегка пошатывало.

— Вот псих, — в сердцах пробормотала я.

Давить на него в настоящий момент не имело смысла, чего доброго заработает инфаркт, а мне бери грех на душу, как будто их у меня и так недостаточно. С другой стороны, Черник — истерик по призванию, вечно чего-то боится и подозревает мир в злых умыслах на свой счет. Сегодня он выглядел до того нелепо, что становилось ясно: что-то за этим есть. Не его фантазии, а некое событие, о котором он так и не решился мне сообщить, хотя имел желание. Ну вот, загадал загадку, теперь ломай голову.

Однако голову ломать я не стала, выпила еще чашку кофе, и неожиданно на меня накатила лень, захотелось домой, на родной диван, вздремнуть часик, а то и два, и пусть все катятся к черту со своими загадками. Я немного потешила себя этими мыслями и отправилась к машине. При свете дня она мне понравилась еще меньше, чем ночью, хотя и ночью вызвала острую жалость. Может, стоит походить на курсы вождения? Я обошла «Мицубиси»-седан по кругу, покачивая головой. В самый разгар самобичевания услышала за спиной густой бас:

— Это твой личный рекорд. — Повернулась и увидела Лялина, начальника нашей службы безопасности, рослого мужика лет сорока пяти с такими ручищами, что ими в пору гнуть подковы. Он насмешливо улыбался мне, стоя в трех шагах от своего джипа, который вы-